
Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 57—73.

Woman in Russian Society. 2022. No. 2. P. 57—73.

Научная статья

УДК 316.36

DOI: 10.21064/WinRS.2022.2.5

«НЕВИДИМЫЕ» МАТЕРИ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИН, ОСТАВЛЯЮЩИХ НОВОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ

Ольга Николаевна Безрукова, Валентина Алексеевна Самойлова

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, o.bezrukova@spbu.ru

Аннотация. В статье анализируются социальный портрет и типологические характеристики матерей, оставляющих новорожденных детей. Опрошено 2 тыс. респондентов в 8 федеральных округах РФ, проведено 27 экспертных интервью и 15 фокус-групп (N = 142). Выделены социальные группы матерей с повышенным риском отказа от детей, а также оставления их в бэби-боксах на основании мнения граждан, экспертов, родителей, специалистов государственных и общественных организаций. Сделан вывод о том, что преимущественной причиной отказа от детей или их оставления является дефицит внутренних и внешних ресурсов. Выявлены региональные различия социальных групп женщин-отказниц. В Санкт-Петербурге это женщины-мигрантки, в Уфе — женщины, родившие внебрачного ребенка и опасющиеся жесткого осуждения людей, находящихся под влиянием национально-религиозных норм. В Краснодаре, Перми и Владимире чаще отмечались женщины, испытывающие недостаток внешних ресурсов — материальной и социальной поддержки. При этом специалисты во Владимире чаще указывали на девиантные группы, в Перми — на внешне благополучные. Делается вывод о том, что в России отсутствует развитая инфраструктура помощи уязвимым семьям с новорожденными детьми, не создана система кризисных центров для беременных женщин, находящихся в сложных жизненных ситуациях, существуют значительные региональные и территориальные различия в оказании помощи матерям, сохраняется межведомственная разобщенность. Предлагаются направления комплексной поддержки беременных женщин из уязвимых групп.

Ключевые слова: материнство, беременные женщины, отказ от новорожденного ребенка, матери, отказавшиеся от детей, инфантицид, жестокое обращение с детьми, бэби-бокс

Благодарности: статья подготовлена при поддержке госконтракта № ГК 17/201 «Законодательное регулирование практики создания и использования мест, оборудованных для анонимного оставления новорожденных детей».

Для цитирования: Безрукова О. Н., Самойлова В. А. «Невидимые» матери: социальный портрет женщин, оставляющих новорожденных детей // *Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 57—73.*

Original article

“INVISIBLE” MOTHERS: SOCIAL PROFILE OF WOMEN ABANDONING THEIR NEWBORN BABIES

Olga N. Bezrukova, Valentina A. Samoylova

St. Petersburg State University, St. Petersburg,
Russian Federation, o.bezrukova@spbu.ru

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the social profile and typological features characteristic of the mothers that abandoned their newborn babies. We have interviewed 2000 respondents in 8 federal districts of the Russian Federation, conducted 27 expert interviews and 15 focus groups (N = 142) with managers, specialists, and parents. We have distinguished the social groups of mothers that have a higher risk of child abandoning as well as surrendering them to the baby boxes based on the evaluation of citizens, experts, parents and governmental agencies and NGOs. We have come to the conclusion that the predominant reason of child rejection or abandonment is a lack of internal and external resources. The research helped to identify the regional differences of the social groups of abandoning mothers. In Saint Petersburg they mostly belong to migrants, in Ufa those are the women who gave birth to an illegitimate child and may be afraid of harsh condemnation as a result of the influence of national and religious norms. In Krasnodar, Perm and Vladimir we more frequently noted women with a lack of external resources and support, both financial and social. At the same time, our researchers in Vladimir quite frequently pointed to deviant groups, and in Perm referred to the intact ones. We have reached a conclusion Russia lacks a developed infrastructure to support vulnerable families with newborn children. Russia lacks an established system of crisis centers for pregnant women in difficult life situations. There are significant regional and territorial differences in providing assistance to mothers, and in general there is a lack of integration between the government agencies. We offer solutions to comprehensively support pregnant women that belong to vulnerable groups.

Key words: motherhood, pregnant women, newborn infant abandonment, mothers who abandon their babies, infanticide, child abuse, baby box

Acknowledgments: the reported study was funded by state contract no. GC 17/201 “Legislative regulation of the practice of creating and using places equipped for the anonymous abandonment of newborn children”.

For citation: Bezrukova, O. N., Samoylova, V. A. (2022) “Невидимые” матери: социальный портрет женщин, оставляющих новорожденных детей [“Invisible” mothers: social profile of women abandoning their newborn babies], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 57—73.

Введение

Беременные женщины в нашей стране подвергаются воздействию множества культурных, психологических, социальных и экономических факторов. Кризис родительства выражается в искаженном формировании у молодых женщин материнской идентичности, обесценивании материнской роли, неготовности к ее исполнению (см., напр.: [Захарова, 2015; Безрукова, Самойлова, 2020]), дефиците ответственности отцов за рождение и воспитание детей, проявлениях агрессии в отношении новорожденных и матерей [Устинова, 2013; Живодрова и др., 2018]. Отсутствуют надежные гарантии соблюдения социально-трудовых прав беременных женщин, защиты от дискриминации и принуждения к увольнению по собственному желанию, создания для них приемлемых условий труда [Bezrukova, Samoilo, 2015]. Латентными остаются проблемы, связанные с неустойчивостью социального/семейного положения, бедностью, дефицитом питания, состоянием репродуктивного здоровья и качеством медико-социальной помощи (см., напр.: [Пучкина, 2009; Блох, Добряков, 2013]). Травмирующими факторами для юных беременных, способствующими их вовлечению в алкогольную и наркотическую зависимость, становятся присутствие при сценах насилия в детстве, жестокое отношение родителей, нестабильность социального статуса, сожительство с пьющим партнером, сексуальные дисфункции (см., напр.: [Аршинова и др., 2016]). В совокупности все это негативно влияет на психологическое состояние беременной, приводит к росту невротизации, депрессивности, к отказу женщины нести ответственность за свою жизнь, здоровье ребенка, семью.

Событие, которое свидетельствует о переживаемом остром кризисе материнства, — это отказ от родившегося ребенка. Проблема отказов не нова и не является исключительно российской, а существует в разных странах, в том числе материально благополучных (см., напр.: [Navne, Jakobsen, 2021]). Отечественные исследования, проводившиеся с начала 1990-х гг., выявили повышенную вероятность отказа от ребенка юных матерей в возрасте до 25 лет либо, напротив, тех, кто старше 40 лет, одиноких или с неустойчивым семейным положением (см., напр.: [Брутман и др., 1994]). Их отличает дефицит поддержки близких, разрыв семейных связей, отвержение отцом ребенка, неготовность к материнству, личностная незрелость, психическая неустойчивость, склонность к депрессиям (см., напр.: [Захарова, 2015; Самохина, 2016]). Другие исследования показали, что женщины с риском отказа чаще имеют невысокий уровень образования, случайную/неформальную занятость (иногда являются безработными), низкие доходы, плохие жилищные условия (см., напр.: [Беляева, 2012; Костенко, 2014]). По данным зарубежных исследований, матери брошенных детей — представительницы очень разных возрастных и социально-экономических групп (см., напр.: [Murphy-Tighe, Lalor, 2019]). Тем не менее ключевыми факторами риска отказа выступают отрицание и сокрытие беременности или пренебрежение ею, переживание утраты, смерти близких, болезненный разрыв с партнером, опыт сиротства, вовлечение в алкогольную и наркотическую зависимость, регулярные избиения партнером, сопровождающиеся выкидышами, психологическое и сексуальное насилие, групповое изнасилование (см., напр.: [Friedman et al., 2007; Bottorff, 2014]). Скрытая беременность, роды в домашних условиях часто являются предвестником потенциально трагических исходов — материнской заболеваемости/смертности, инфантицидов [Vellut et al., 2012; De Bortoli et al., 2013].

Очевидно, что действенная реакция социума на кризис материнства (его последствия) зависит от понимания лежащих в его основе причин. В России наиболее весомыми традиционно считались факторы социального неблагополучия женщины; и стигматизация беременных из уязвимых групп как «плохих» матерей — маргинальных, девиантных, асоциальных — до сих пор распространена в оценках общественного мнения; негативные стереотипы об их пренебрежении к контрацепции, здоровью, безответственном отношении к заботе о детях, о «колее» наследственности особенно характерны для медицинских работников и представителей правоохранительных органов (см., напр.: [Ковалевский, 2015; Манерова, Маркина, 2019]). Следствием подобной категоричной оценки становятся и достаточно радикальные инициативы по профилактике отказов, направленные на ограничение рождаемости у определенных категорий женщин путем снижения возраста стерилизации до 27 лет [Маркина, Подлубная, 2018], фактически их репродуктивной дискриминации.

Узость стереотипных оценок и подходов противоречит нарастающему разнообразию и усложняющейся динамике процессов современной жизни. Старые проблемы остаются и даже усугубляются (бедность, зависимости, отчужденность и др.), но появляются и новые, сопряженные с ростом миграции, мобильности в сфере образования, труда, с нормативными изменениями в семейной сфере, в частности в отношении рождения детей вне брака. Для того чтобы принимаемые меры были эффективными, необходим постоянный мониторинг ситуации с отказами, ее целостное и адекватное отражение, включающее представление о причинах оставления детей, характерных особенностях женщин, реально совершающих данный шаг или потенциально готовых к этому, социокультурном и профессиональном контекстах как факторах приемлемости тех или иных мер поддержки. Данная статья посвящена ответу на ключевой вопрос: каковы типологические характеристики женщин, оставляющих своих новорожденных детей в родильных домах, в общественных местах?

Методология исследования

В качестве теоретической базы исследования мы опираемся на понимание материнства как потребности в рождении, воспитании детей, основанной на отношении к ребенку как объекту любви и заботы, а также социокультурного феномена, проявляющегося в ценности материнства в данной культуре (см., напр.: [Haas, 1996]). При этом мы утверждаем обязательность заботы общества о матерях с соблюдением их репродуктивных прав как ключевого условия профилактики социального сиротства [Исупова, 2002], необходимость проведения эффективной гендерной политики по усилению социальных и политических позиций российских женщин, расширению их прав и свобод, обеспечению гендерного равенства, сопровождающейся ростом инвестиций в образование, здравоохранение, гендерное просвещение, снижением бедности, что будет способствовать перестройке женского сознания, преодолению гендерных стереотипов и психологии патернализма, формированию установки на успех [Кашина, 2019]. Мы основываемся на понимании ценностно-нормативных расколов в представлениях и практиках семейной жизни, моделях семьи и брака, отношении к репродуктивным правам женщин, абортам, расколов, которые приводят к политизации

гендерных конфликтов в российском и западном дискурсе (см., напр.: [Graff, 2016; Великая, Князькова, 2021; Клупт, 2021]), различному пониманию причин отказов от новорожденных детей и их профилактики, подходов к развитию структур социальной поддержки матерей, находящихся в кризисной ситуации, взаимоисключающим оценкам по поводу внедрения альтернативных механизмов — анонимных родов, «безопасных прибежищ», бэби-боксов¹ (см., напр.: [Browne et al., 2012; Устинова, 2013; Fenton-Glynn, 2014, Безрукова и др., 2021]).

Цель статьи заключается в сравнительном анализе представлений сторонников и противников использования бэби-боксов о социальном портрете и типологических характеристиках матерей, оставляющих новорожденных детей, в региональном контексте, а также в разработке рекомендаций по мерам поддержки матерей из уязвимых групп. Основные исследовательские задачи включали изучение социокультурных установок граждан, экспертов, родителей, специалистов государственных и общественных организаций в отношении репродуктивного и родительского поведения женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, социальных групп матерей с повышенным риском отказа от детей, а также оставления их в бэби-боксах.

Эмпирическая основа статьи — данные исследования, проведенного в 2017—2018 гг. Оно включало:

1) опрос жителей поселений разного типа 8 федеральных округов РФ². Объем выборочной совокупности 2 тыс. человек. Критерии выборки — пол, возраст, тип населенного пункта, федеральный округ. Доля мужчин составляет 46,7 %, женщин — 53,3 %. Предел погрешности выборки 2 %;

2) проведение 15 фокус-групп в 5 регионах РФ: Краснодарском и Пермском краях, где используется технология «бэби-боксы»; Владимирской области и Санкт-Петербурге, отказавшихся от ее применения; Башкирии, где преимущественно мусульманское население. Целевые группы состояли из специалистов государственных социальных учреждений (женские консультации, родильные дома, организации для детей сирот и оставшихся без попечения родителей, отделения центров социальной помощи семье и детям); специалистов некоммерческих организаций, работающих с беременными и семьями, оказавшимися в кризисной ситуации; сотрудников отделов по опеке и попечительству; представителей СМИ; родителей, имеющих новорожденных и детей раннего возраста, приемных детей (N = 142);

3) проведение 27 экспертных интервью в тех же регионах (представители органов власти, руководители учреждений в сфере родовспоможения, материнства и детства).

Продолжительность проведения фокус-групп — 2—2,5 часа, интервью — 1—1,5 часа. В качестве критерия для выявления различий между группами сторонников и противников использования бэби-боксов мы рассматривали выбор респондентами ответа на вопрос: «Как Вы считаете, нужны или не нужны бэби-боксы?»

¹ Подробнее о бэби-боксах и практиках анонимного оставления детей см.: [Безрукова и др., 2021].

² Исследование проведено на базе ресурсного Центра социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

Категории матерей с повышенным риском оставления детей в бэби-боксах в мнениях населения

Кто наиболее вероятно будет использовать возможность поместить ребенка в бэби-бокс? Согласно мнению большинства, такой группой прежде всего могут быть юные женщины, неготовые стать матерями (57,4 %) (табл. 1). Следующая по значимости группа потребителей бэби-боксов — женщины с алкогольной или наркотической зависимостью (55,0 %). По мнению 41,5 % респондентов, у женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию, появится вариант выхода из нее. Каждый третий (34,6 %) считает, что бэби-бокс — это возможность для женщин без определенного места жительства обеспечить своему ребенку выживание. Четверть респондентов (27,0 %) полагают, что таким образом будут пристраивать своих детей проститутки. По мнению 23,4 %, оставлять детей в бэби-боксах смогут женщины, не имеющие средств для заботы о ребенке. Каждый пятый полагает, что их пользователями будут жертвы сексуального насилия (20,3 %), а также женщины-мигрантки (19,3 %).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Кто, на Ваш взгляд, будет оставлять детей в бэби-боксах, если они появятся во всех регионах РФ», % от числа ответивших

Вариант ответов	В целом	Сторонники	Противники	М	Ж	Обвиняющие*	Сочувствующие**
Юные женщины, неготовые стать матерями	57,4	59,5	52,9	55,8	58,9	57,4	57,4
Женщины с алкогольной или наркотической зависимостью	55,0	55,6	55,5	53,8	56,2	59,9	50,2
Попавшие в трудную жизненную ситуацию	41,5	44,8	35,5	39,8	43,1	33,7	53,7
Без определенного места жительства	34,6	35,3	33,5	31,9	37,0	35,2	33,6
Проститутки	27,0	26,4	29,7	26,7	27,3	31,5	21,7
Неимеющие средств для заботы о ребенке	23,4	25,8	17,6	23,9	22,9	20,9	28,2
Пережившие сексуальное насилие	20,3	22,5	15,6	16,4	23,7	18,9	22,3
Мигрантки	19,3	20,8	17,4	17,9	20,6	18,0	22,3
Пережившие потерю близких (муж, родители и др.)	4,5	4,6	4,6	4,7	4,3	3,5	6,5
Женщины, которые делают карьеру	3,8	2,7	7,0	5,3	2,4	4,4	3,2
Родившие в позднем возрасте	3,8	3,6	4,4	4,3	3,3	3,8	3,7
Другое	3,4	3,4	3,3	4,1	2,8	3,2	3,7
Затрудняюсь ответить	3,9	2,7	5,9	5,6	2,4	3,3	3,5

* Убежденные в том, что не может быть никакого оправдания матерям, оставляющим своих детей.

** Считающие, что матери, оставляющие своих детей, заслуживают сострадания и участия.

Структуры мнений по данному вопросу сторонников и противников применения технологии бэби-боксов имеют следующие различия. У сторонников сохраняется тот же порядок: на первом месте — юные женщины, неготовые к материнству (59,5 % по сравнению с 52,9 % у противников). У противников на первом месте — женщины с алкогольной или наркотической зависимостью (55,5 %). Больше сторонников, чем противников, называют и женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию (44,8 против 35,5 %), не имеющих средств для заботы о ребенке (25,8 против 17,6 %), переживших сексуальное насилие (22,5 против 15,6 %), мигранток (20,8 против 17,4 %). Противники сравнительно чаще отмечают проституток (29,7 против 26,4 % сторонников).

Женщины активнее отвечали на этот вопрос, называли больше вариантов, поэтому доля ответов женщин по всем пунктам выше, чем ответов мужчин. Различия в ответах респондентов разных возрастов следующие. Наибольшие доли тех, кто видит потенциальных потребителей бэби-боксов среди юных матерей, относятся к старшей возрастной группе (51—60 лет) — 62,2 % — и к младшей группе (21—24 года) — 60,2 %, меньше их среди 25—30-летних — 52,7 %. Самые молодые чаще считают, что бэби-боксами будут пользоваться женщины, зависимые от алкоголя и наркотиков, — 66,9 %, «старшие» называют эту категорию намного реже (46,7 %). Женщины, попавшие в трудную жизненную ситуацию, сравнительно чаще отмечают теми, кому от 36 до 40 лет, — 46,3 %, реже 18—24-летними — 36,5 %. Считают, что к бэби-боксам будут прибегать проститутки, респонденты от 18 до 30 лет (32—33 %), они же более активно называют женщин, переживших сексуальное насилие (23—25 %). Сравнительно чаще наиболее молодые отмечают и женщин, не имеющих средств для заботы о ребенке (27,4 %), в то же время колебания показателей относительно этой категории в остальных группах не позволяют сделать вывод об устойчивой тенденции.

Респонденты с высшим и незаконченным высшим образованием чаще считают, что бэби-боксы будут востребованы женщинами, попавшими в трудную жизненную ситуацию (47,5 и 45,5 % против 34,0 % имеющих начальное и неполное среднее образование). Напротив, последние, а также респонденты с начальным профессиональным образованием чаще отмечают, что это будут женщины с алкогольной и наркотической зависимостью (61—62 %, что почти на 10 пунктов больше, чем у наиболее образованных).

На мнение о том, кто будет оставлять детей в бэби-боксах, если они появятся во всех регионах РФ, влияет общая установка по отношению к матерям-отказницам — «осуждающая» или «сочувствующая». Все респонденты одинаково часто называют юных матерей (по 57,4 %), однако если у сочувствующих они на первом месте, то у обвиняющих на втором, а на первом — зависимые от алкоголя и наркотиков (59,9 против 50,2 %). Обвиняющие также существенно чаще отмечают проституток (31,5 против 21,7 %).

По большинству категорий женщин, чье трудное положение не является следствием их девиантного поведения, а в значительной степени обусловлено неблагоприятным стечением обстоятельств, показатели сочувствующих выше. Это категории женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию (53,7 против 33,7 % осуждающих), не имеющих средств для заботы о ребенке (28,2 против 20,9 %), переживших сексуальное насилие (22,3 против 18,8 %), мигрантки (22,3 против 18,0 %).

**Мнения экспертов, специалистов,
представителей гражданского общества, родителей**

В ходе интервью с экспертами и во время проведения фокус-групп прозвучали ответы на вопрос: «Какие социальные группы женщин входят в группу риска отказа от новорожденного, оставления детей в бэби-боксах?» Поскольку опыт использования бэби-боксов на территории Российской Федерации носит локальный характер, была предложена более широкая постановка вопроса о них в контексте практики отказов. Кроме того, сам принцип анонимности оставления детей в бэби-боксах затрудняет сбор достоверной информации о матерях там, где они установлены. Один из экспертов отмечает:

Достаточно сложно говорить о тех мамах, которые оставляют, приносят ребенка в «окно жизни», но те, кто отказываются в родильном доме, и те, кто приносят в «окно жизни», у них примерно одинаковые причины (Пермь, УПР)³.

В таблице 2 представлены данные, отражающие объединенные ответы экспертов, специалистов, представителей гражданского общества, родителей по каждому региону.

Анализ приведенных в таблице данных позволяет сделать вывод о значительном разнообразии социальных групп, к которым могут принадлежать женщины с риском оставления детей. Во всех городах были названы категории матерей, которые традиционно считаются социально неблагополучными: с алкогольной/наркотической зависимостью, выходцы из асоциальных семей, ведущие аморальный образ жизни.

Это также женщины, испытывающие потерю привычного опыта взаимодействия с социальной средой (приезжие) или не имеющие необходимого опыта (выпускницы детских домов), что крайне негативно сказывается на их жизни при появлении ребенка. В группы риска входят матери с нарушениями психического здоровья и когнитивными расстройствами, находящиеся в состоянии послеродовой депрессии, родившие ребенка с серьезной патологией (последние могут принять решение отказаться от ребенка, в том числе и по совету врачей), и малоимущие женщины, не имеющие средств на необходимое, которые объективно не могут содержать ребенка, а поэтому и не представляют, как им это делать.

Наряду с имеющими потенциал риска по определению, были названы те, кто к группам риска заведомо не относятся, — многодетные матери, одинокие матери, молодые девушки, студентки и др. Более того, нередко, называя категории женщин с риском оставления ребенка, эксперты и участники фокус-групп во всех городах использовали понятия благополучия и нормативности: *внешне благополучные, в браке, с детьми; девушки из благополучных семей; благополучные под давлением близких; может быть абсолютно «нормальная» женщина; несовершеннолетние из «нормальных» семей; достаточно благополучные; может быть любая женщина, которая осталась без поддержки;*

³ Здесь и далее ОО — общественная организация, ЗДР — здравоохранение, СЗ — соцзащита, ОБР — образование, ОВД — органы внутренних дел, УПР — аппарат уполномоченного по правам ребенка, Д — духовенство.

Необязательно представители маргинальных, асоциальных слоев. Такая женщина надломлена в духовном плане, у нее утрачен инстинкт материнства и защиты ребенка. А почему это происходит в нашем обществе — с этим нужно разбираться. Спасать новорожденного ребенка надо, несомненно, у женщины должен быть обязательно выход, она не должна оказаться в безвыходной ситуации (Санкт-Петербург, УПР).

Таблица 2

Категории женщин с риском оставления детей

Категория женщин	Санкт-Петербург	Пермь	Краснодар	Владимир	Уфа
Ведущие аморальный образ жизни, зависимые от алкоголя/наркотиков	+	+	+	+	+
Из неблагополучных, асоциальных семей	+	+	+	+	+
Бездомные	+			+	+
Мигрантки из стран ближнего зарубежья	+		+		
Приезжие из других российских регионов / из районов области	+	+			
Выпускницы детских домов, сироты	+		+	+	+
Несовершеннолетние из «нормальных» семей	+		+	+	+
Студентки	+		+	+	+
Молодые девушки с низким уровнем культуры	+	+	+		
Девушки из благополучных семей, боящиеся общественного осуждения, / из семей со строгими родителями	+			+	+
Малоимущие	+	+		+	+
Одинокие мамы	+	+	+		+
Многодетные женщины	+	+	+	+	+
Родившие ребенка с серьезной патологией	+	+		+	+
Находящиеся в состоянии послеродовой депрессии	+	+	+		
Страдающие психическими/интеллектуальными нарушениями	+	+		+	+
ВИЧ-инфицированные	+				+
Родившие внебрачного ребенка / от случайной связи / сельские жительницы во избежание позора			+	+	+
Жертвы сексуального насилия	+				
Находящиеся в неразрешимой жизненной ситуации («любые женщины, необязательно маргиналы, благополучные тоже»)	+	+	+	+	+
Оставшиеся без поддержки близких / под давлением близких	+	+		+	+

В мнениях экспертов и участников фокус-групп из разных городов было много общего, совпадали не только называемые категории, но и конкретные описания типичных для них жизненных ситуаций, причин и т. д. Вместе с тем можно выделить и региональные различия, проявляющиеся в более сильных акцентах на те или иные категории. Так, в Санкт-Петербурге это категория женщин, приехавших из других российских регионов и из стран ближнего зарубежья:

Много приезжих женщин, которые не могут решить свои жизненные ситуации: отсутствие жилья, работы, ребенок ее связывает по рукам и ногам. И она не может работать, снять жилье, содержать его (Санкт-Петербург, СЗ);

У нас большое количество женщин-мигранток отказываются. Они находятся в очень плохих социально-бытовых условиях. Они не знают, куда идти, что им делать, куда обратиться, у них нет никаких прав, так как нет регистрации в Санкт-Петербурге, бывает, что без документов. Почему не все попадают под миграционный контроль? Потому что их мужья вызывают сюда, они приезжают в гости, здесь остаются, они рожают в результате. Их никуда не ставят, денег у них нет. А бывает, что она вырвалась из своей республики, тут нагуляла; это позор на весь род, как она считает (Санкт-Петербург, УПР).

Здесь также часто называют иногородних студенток, для которых появление ребенка крайне несвоевременно:

Одна из них сказала, что ей ребенок не нужен, ей надо сессию сдавать (Санкт-Петербург, УПР);

Им хочется скрыть, может быть, нет родственников, или они боятся родственников, или это случайная какая-то связь была, изнасилование (Санкт-Петербург, НКО).

Не готовы к материнству выпускницы детских домов, хотя некоторые даже не успевают выпуститься и уже беременеют (Санкт-Петербург, ЗДР).

В Перми, городе, где бэби-боксы существуют несколько лет, сложилось мнение, что риск оставления детей именно в них выше у женщин с детьми, и особенно многодетных, как одиноких, так и состоящих в браке, в основном имеющих среднее специальное образование и в социальном плане достаточно благополучных:

Самая сложность в этой ситуации — это женщины, которые для общества являются благополучными женщинами. Основная причина — нежелание иметь еще одного ребенка, то есть они в этом случае не относятся к этому ребенку как к ребенку, они больше сосредоточены на безопасности тех детей, которые уже есть (Пермь, НКО).

В Краснодаре чаще, чем в других городах, называли одиноких матерей, уже имеющих одного-двух детей, которым некому помогать их воспитывать:

Это основное. Если говорить о возрасте, это 23—35 лет. При этом у них имеется куча всяких проблем (материальных, с жильем, профессия, работа, отношения). За последние несколько лет почти нет отказных детей у несовершеннолетних мам, как ни странно (Краснодар, СЗ).

Во Владимире девиантная основа отказа оценивается участниками как особенно сильная, поэтому высказываются и большие сомнения в нужности бэби-боксов:

Маргинальная сторона. Мы с вами здесь не повлияем на этот процесс (Владимир, УПР).

Многодетные женщины с низкими доходами — это также серьезная группа риска:

Если раньше практически не было отказов семей многодетных, то сейчас это процесс довольно частый. Очень часто сейчас отказываются от третьего, от четвертого там или от пятого (Владимир, УПР).

В Башкирии отмечается большое разнообразие категорий женщин, в том числе сильна позиция, согласно которой отказ — исключительно следствие девиантности:

Мне кажется, это только такое девиантное поведение (Уфа, СЗ).

Чаще, чем в других регионах, здесь подчеркивается страх общественного осуждения при нарушении семейных традиций и устоев ввиду особой значимости религиозных норм, следовательно, риск оставления детей как молодыми девушками, так и женщинами постарше, замужними, родившими внебрачного ребенка, возрастает.

Заключение

Подводя итоги изучения социального портрета матерей с риском отказа от ребенка, отметим, что набор признаков, по которым можно было бы составить обобщенный социальный портрет таких женщин, включает в себя подчас противоположные характеристики. Это чаще юные женщины, но нередко и зрелые, одинокие и семейные, родившие первого ребенка и многодетные, ведущие асоциальный образ жизни и добропорядочные, сироты и дочери заботливых, но чрезмерно строгих родителей, девушки с низким уровнем культуры или интеллектуальными нарушениями (иногда с ЗПР в анамнезе) и студентки вузов, приезжие и постоянные жительницы, малоимущие и обеспеченные, жительницы городов/мегаполисов и сельской местности. Таким образом, описать какой-то единственный социальный портрет женщины с риском оставления ребенка не представляется возможным. Скорее речь должна идти о галерее образов.

Полученные данные не согласуются со стереотипом, согласно которому отказ от ребенка — результат в основном асоциального образа жизни, половой распущенности, злоупотребления алкоголем и наркотиками. Как отмечали участники фокус-групп и эксперты, *любая может быть женщина, из любой категории* (Санкт-Петербург, ОО, СЗ, ЗДР, Д). Оставление ребенка бывает следствием не только измененного состояния сознания, как при алкогольном или наркотическом опьянении, но и состояния отчаяния, которое испытывает женщина, оказавшаяся в трудной жизненной ситуации. Этиология данного состояния специфична в каждом отдельном случае, но что роднит женщин — так это дефицит ресурсов. Внутренних ресурсов — личностной зрелости, выстроенной системы ценностей, социальной компетентности, здоровья и др. — или внешних — социальной поддержки, поддержки близких, в первую очередь отца

ребенка, родителей. Различия мнений сторонников и противников использования бэби-боксов проявляются в том, что действие внешних и/или объективных причин сторонники оценивают как более значимое.

Вместе с тем ключевой вывод исследования состоит в следующем: женщины с риском оставления детей в бэби-боксах находятся в своеобразной «серой» зоне и представляют группу «невидимых» матерей, которые по разным причинам скрывают беременность и боятся обратиться за помощью:

Они боятся засветиться где-то. Это разные женщины, тот слой населения, который вообще ни полиция, ни мы, ни другие не обслуживают. И они боятся обратиться даже к врачу, в общественные организации. И для них должен быть шанс не убить ребенка (Санкт-Петербург, СЗ).

Региональные различия в структуре социальных групп женщин-отказниц заключаются в том, что в мегаполисе, которым является Санкт-Петербург, такой значимой группой стали женщины-мигрантки, в Уфе на ситуациях отказа от новорожденного сказывается влияние национально-религиозных норм, повышающих риски для родивших внебрачного ребенка, во Владимире, Краснодаре и Перми чаще выделяются группы женщин с недостатком ресурсов — материальной и социальной поддержки, причем если во Владимире акцент делается на девиантные группы, то в Перми — на внешне благополучные.

Отказ от материнства после рождения ребенка — это не только личная драма для большинства женщин, но и показатель состояния социального, нравственного, духовного здоровья общества, степени успешности социальной политики государства, а также способности профессионального сообщества, включая управленцев и специалистов, создать систему эффективной помогающей практики. Основной акцент, на наш взгляд, должен быть сделан на раннюю профилактику с учетом специфических особенностей разных целевых групп.

Лишенные материнской заботы, выпускницы детских домов не знают основ построения семьи, не понимают, что такое ответственность за воспитание ребенка, а свойственное им патерналистское сознание распространяется и на отношение к ребенку. Такие матери думают, что если они в детском доме выросли, то и их ребенок вырастет. Учитывая отсутствие опыта жизни в семье, особенно важно готовить их к этой стороне жизни и до выпуска из детского дома, и после него. «Семейная» тема в работе служб постинтернатного сопровождения практически не представлена, основное в ней — жилье, работа, досуг. Хотя создание семьи сразу после выпуска — не первоочередная задача, построение отношений с близким человеком для сирот чрезвычайно актуальный запрос.

Женщины-мигрантки представляют собой массовую и разнородную группу. Для того чтобы они могли получать помощь, важно понимать, кто, откуда и по каким причинам приезжает в российские города. В настоящее время часть из них имеют право на обязательное медицинское страхование, на получение социальных услуг, другие могут надеяться на помощь только по полисам добровольного страхования, третьи избегают любых контактов, так как не имеют регистрации. В системе помощи должно учитываться, что у приезжих есть социокультурные, языковые барьеры, затрудняющие поиск нужной информации, а также коммуникацию с принимающим обществом, есть определенная настороженность, опасения столкнуться с недоброжелательностью со стороны наделенных

полномочиями лиц. Поэтому особенно важно, чтобы информация о возможностях и маршрутах получения помощи была им понятной и доступной.

В настоящее время профилактика наркологических заболеваний осуществляется в основном путем информирования беременных о негативном влиянии химических веществ на здоровье женщины и ребенка [Аршинова и др., 2016]. Очевидно, что этого совершенно недостаточно в условиях интенсивного роста женского алкоголизма и наркозависимости в молодежных и подростковых группах⁴. Существующая проблема, помимо социального и семейного контекста, взаимосвязана с невыстроенностью в России системы непрерывной реабилитационной работы с несовершеннолетними, недоступностью профессиональной психиатрической помощи для беременных с зависимостями. В отдельных регионах (например, в Санкт-Петербурге) и вовсе отсутствуют государственные специализированные центры реабилитации для несовершеннолетних, употребляющих алкоголь и наркотики, в том числе во время беременности и после родов⁵. Отмечается явный недостаток комплексных эффективных вмешательств, предназначенных для предотвращения употребления наркотических веществ молодыми женщинами во время беременности, программ профилактики и лечения, просвещения и социальной рекламы. Отдельную группу представляют многодетные матери с алкогольной зависимостью. Внимание органов опеки и социальных служб сосредоточено на уже родившихся в таких семьях детях, но женщина, находящаяся в фертильном возрасте, способна родить и других детей, поэтому должна стать объектом интенсивной реабилитации и профилактики.

Несмотря на усиление государственной и общественной поддержки семей с детьми, материнства и отцовства в последние годы, комплексная медико-социальная и психологическая помощь беременным женщинам, находящимся в кризисной ситуации, оказывается не всегда доступной. В России отсутствует развитая инфраструктура для уязвимых семей с новорожденными детьми, не создана система кризисных центров для беременных женщин. По-прежнему существуют значительные региональные и территориальные различия в оказании помощи матерям, сохраняется межведомственная разобщенность. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости выявления проблемных целевых групп, включая женщин, находящихся в сложных материальных и социально-психологических условиях, их адресной поддержки, активизации ресурсов всех уровней, чтобы матерям не приходилось делать столь драматичный выбор.

Список источников

- Аршинова В. В., Брюн Е. А., Кошкина Е. А., Валькова У. В. Профилактика наркологических заболеваний в акушерско-гинекологической практике России // Наркология. 2016. № 5. С. 84—89.
- Безрукова О. Н., Самойлова В. А. «Она не мать совсем...»: образы бывших жен в дискурсе разведенных молодых отцов // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 116—127.

⁴ Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2020 году. 2021. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/2175467> (дата обращения: 20.02.2022).

⁵ «Это естественный отбор, а вы себе другого родите». URL: <https://www.fontanka.ru/2022/02/13/70441664/> (дата обращения: 20.02.2022).

- Безрукова О. Н., Самойлова В. А., Шишкина Е. В., Яшина М. Н.* «Никто не поможет...»: отказы от новорожденных детей и бэби-боксы // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 47—57.
- Беляева М. А.* Девиантное родительство в контексте репродуктивной культуры современной семьи // Социология и жизнь. 2012. № 3. С. 207—212.
- Блох М. Е., Добряков И. В.* Психологическая помощь в комплексном подходе к решению проблем репродуктивного здоровья // Журнал акушерства и женских болезней. 2013. Т. 62, № 3. С. 16—19.
- Брутман В. И., Ениколопов С. Н., Панкратова М. С.* Некоторые результаты социологического и психологического обследования женщин, отказавшихся от своих новорожденных детей // Вопросы психологии. 1994. № 5. С. 31—36.
- Великая Н. М., Князькова Е. А.* Репродуктивные права женщин в политическом дискурсе современной России // Женщина в российском обществе. 2021. Спец. вып. С. 25—37.
- Живодрова Н. А., Безруков А. В., Абрамова Е. А.* Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка и возможные пути решения // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6, № 1. С. 53—59.
- Захарова Е. И.* Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли // Культурно-историческая психология. 2015. № 1. С. 44—49.
- Исупова О. Г.* Отказ от новорожденного и репродуктивные права женщины // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 92—99.
- Кашина М. А.* Постсоветская государственная политика в отношении женщин // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 3—13.
- Клупт М. А.* Проблемы семьи и рождаемости в ценностных конфликтах 2010-х гг. // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 36—46.
- Ковалевский В. И.* «Ящик для ребенка», или Некоторые аспекты реализации в России проекта «Бэби-бокс» // Современное право. 2015. № 10. С. 75—78.
- Костенко М. А.* Социальные детерминанты отказов от новорожденных: опыт эмпирического исследования // Мир науки, культуры и образования. 2014. № 3. С. 313—315.
- Манерова О. А., Маркина А. Ю.* Особенности репродуктивного анамнеза и медицинской активности матерей, отказавшихся от своих детей в учреждениях родовспоможения // Уральский медицинский журнал. 2019. № 2. С. 133—137.
- Маркина А. Ю., Подлубная Л. В.* Современная характеристика матерей, оставивших своих новорожденных в учреждениях родовспоможения Челябинской области // Синергия наук. 2018. № 30. С. 1567—1578.
- Пучкина Ю. А.* Профилактика ранних отказов от детей в контексте проблем социального сиротства // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 1. С. 43—52.
- Самохина К. И.* Проблема отказа от новорожденного в отечественной и зарубежной науке: теоретико-методологический анализ: (подходы) // Женщина в российском обществе. 2016. № 2. С. 22—33.
- Устинова Н. В.* Международный опыт профилактики жестокого обращения с новорожденными детьми // Российский педиатрический журнал. 2013. № 1. С. 55—60.
- Bezrukova O., Samoylova V.* The rights of working mothers and social support of the young family in Russia // The Journal of Sociology and Social Anthropology. 2015. Vol. 18, № 5. P. 27—44.
- Bottorff J. L., Poole N., Kelly M. T., Greaves L.* Tobacco and alcohol use in the context of adolescent pregnancy and postpartum: a scoping review of the literature // Health and Social Care in the Community. 2014. Vol. 22, iss. 6. P. 561—574.
- Browne K., Chou S., Whitfield K.* Child Abandonment and Its Prevention in Europe. Nottingham: The University of Nottingham, 2012. 392 p.

- De Bortoli L., Coles J., Dolan M. A review of maternal neonaticide: a need for further research supporting evidence — based prevention in Australia // *Child Abuse Review*. 2013. Vol. 22, № 5. P. 327—339.
- Fenton-Glynn C. Anonymous relinquishment and baby-boxes: life-saving mechanisms or a violation of human rights? // *Family Law and Culture in Europe: Developments, Challenges and Opportunities* / ed. by K. Boele-Woelki, N. Dethloff, W. Gephart. Cambridge: Intersentia, 2014. P. 185—198.
- Friedman S. H., Heneghan A., Rosenthal M. Characteristics of women who deny or conceal pregnancy // *Psychosomatics*. 2007. Vol. 48, № 2. P. 117—122.
- Graff A. «Gender ideology»: weak concepts, powerful politics // *Religion and Gender*. 2016. Vol. 6, iss. 2. P. 268—272.
- Hays S. *The Cultural Contradictions of Motherhood*. New Haven: Yale University Press, 1996. 252 p.
- Murphy-Tighe S., Lalor J. G. Regaining agency and autonomy: a grounded typology of concealed pregnancy // *Journal of Advanced Nursing*. 2019. Vol. 75. P. 603—615.
- Navne L., Jakobsen M. Child abandonment and anonymous surrendering of babies: experiences in ten high-income countries // *Vulnerable Children and Youth Studies*. 2021. Vol. 16, № 3. P. 195—205.
- Vellut N., Cook J., Tursz A. Analysis of the relationship between neonaticide and denial of pregnancy using data from judicial files // *Child Abuse & Neglect*. 2012. Vol. 36, № 7—8. P. 553—563.

References

- Arshinova, V. V., Briun, E. A., Koshkina, E. A., Val'kova, U. V. (2016) Profilaktika narkologicheskikh zabolovaniĭ v akushersko-ginekologicheskoi praktike Rossii [Substance abuse prevention in Russian obstetric practice], *Narkologiya*, no. 5, pp. 84—89.
- Beliaeva, M. A. (2012) Deviantnoe roditel'stvo v kontekste reproduktivnoi kul'tury sovremennoi sem'i [Deviant parenting in the context of reproductive culture modern family], *Sotsiologiya i zhizn'*, no. 3, pp. 207—212.
- Bezrukova, O., Samoĭlova, V. (2015) The rights of working mothers and social support of the young family in Russia, *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 18, no. 5, pp. 27—44.
- Bezrukova, O. N., Samoĭlova, V. A. (2020) «Ona ne mat' sovsem...»: obrazy byvshikh zhĕn v diskurse razvedĕnnykh molodykh otsov [“She is no mother at all”: images of ex-wives in the discourse of young fathers], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 116—127.
- Bezrukova, O. N., Samoĭlova, V. A., Snishkina, E. V., Iashina, M. N. (2021) «Nikto ne pomozhet...»: otkazy ot novorozhdĕnnykh detĕi i bĕbi-boksy [“There will be no help...”: newborn abandonment and baby hatching], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 47—57.
- Blokh, M. E., Dobriakov, I. V. (2013) Psikhologicheskaiia pomoshch' v kompleksnom podkhode k resheniiu problem reproduktivnogo zdorov'ia [Psychological assistance in an integrated approach to solving reproductive health problems], *Zhurnal akusherstva i zhenskikh boleznei*, no. 3, pp. 16—19.
- Bottorff, J. L., Poole, N., Kelly, M. T., Greaves, L. (2014) Tobacco and alcohol use in the context of adolescent pregnancy and postpartum: a scoping review of the literature, *Health and Social Care in the Community*, vol. 22, iss. 6, pp. 561—574.
- Browne, K., Chou, S., Whitfield, K. (2012) *Child Abandonment and Its Prevention in Europe*, Nottingham: The University of Nottingham.

- Brutman, V. I., Enikolopov, S. N., Pankratova, M. S. (1994) Nekotorye rezul'taty sotsiologicheskogo i psikhologicheskogo obsledovaniia zhenshchin, otkazavshikhsia ot svoikh novorozhdennykh detei [Some results of a sociological and psychological examination of women who abandoned their newborn children], *Voprosy psikhologii*, no. 5, pp. 31—36.
- De Bortoli, L., Coles, J., Dolan, M. (2013) A review of maternal neonaticide: a need for further research supporting evidence — based prevention in Australia, *Child Abuse Review*, vol. 22, no. 5, pp. 327—339.
- Fenton-Glynn, C. (2014) Anonymous relinquishment and baby-boxes: life-saving mechanisms or a violation of human rights?, in: Boele-Woelki, K., Dethloff, N., Gephart, W. (eds), *Family Law and Culture in Europe: Developments, Challenges and Opportunities*, Cambridge: Intersentia, pp. 185—198.
- Friedman, S. H., Heneghan, A., Rosenthal, M. (2007) Characteristics of women who deny or conceal pregnancy, *Psychosomatics*, vol. 48, no. 2, pp. 117—122.
- Graff, A. (2016) “Gender ideology”: weak concepts, powerful politics, *Religion and Gender*, vol. 6, iss. 2, pp. 268—272.
- Hays, S. (1996) *The Cultural Contradictions of Motherhood*, New Haven: Yale University Press.
- Isupova, O. G. (2002) Otkaz ot novorozhdennogo i reproduktivnye prava zhenshchiny [Newborn abused and woman’s reproductive rights], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 92—99.
- Kashina, M. A. (2019) Postsovetskaia gosudarstvennaia politika v otnoshenii zhenshchin [Post-Soviet state policy towards women], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—13.
- Kluft, M. A. (2021) Problemy sem'i i rozhdacnosti v tsennostnykh konfliktakh 2010-x gg. [Family and fertility issues in value conflicts during the 2010s], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 36—46.
- Kostenko, M. A. (2014) Sotsial'nye determinanty otkazov ot novorozhdennykh: opyt èmpiricheskogo issledovaniia [Social determinants of abandonment of newborns: experience of empirical research], *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniia*, no. 3, pp. 313—315.
- Kovalevskii, V. I. (2015) “Iashchik dlia rebënka”, ili Nekotorye aspekty realizatsii v Rossii proekta “Bèbi-boks” [A box for a child on some aspects of the project “Baby Box” and its implementation in Russia], *Sovremennoe pravo*, no. 10, pp. 75—78.
- Manerova, O. A., Markina, A. Yu. (2019) Osobennosti reproduktivnogo anamneza i meditsinskoï aktivnosti materei, otkazavshikhsia ot svoikh detei v uchrezhdeniiakh rodovspomozheniia [The features of reproductive anamnesis and mother’s medical activity who abandoned their children in maternity facilities], *Ural'skii meditsinskii zhurnal*, no. 2, pp. 133—137.
- Markina, A. Iu., Podlubnaia, L. V. (2018) Sovremennaia kharakteristika materei, ostavivshikh svoikh novorozhdennykh v uchrezhdeniiakh rodovspomozheniia Cheliabinskoï oblasti [Modern characteristics of mothers who left their newborns in obstetric institutions of the Chelyabinsk region], *Sinergii nauk*, no. 30, pp. 1567—1578.
- Murphy-Tighe, S., Lalor, J. G. (2019) Regaining agency and autonomy: a grounded typology of concealed pregnancy, *Journal of Advanced Nursing*, vol. 75, pp. 603—615.
- Navne, L., Jakobsen, M. (2021) Child abandonment and anonymous surrendering of babies: experiences in ten high-income countries, *Vulnerable Children and Youth Studies*, vol. 16, no. 3, pp. 195—205.
- Puchkina, Yu. A. (2009) Profilaktika rannikh otkazov ot detei v kontekste problem sotsial'nogo sirotstva [Prevention of early abandonment of children in the context of social orphanhood], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 43—52.

- Samokhina, K. I. (2016) Problema otказа ot novorozhdënnogo v otechestvennoï i zarubezhnoï nauke: teoretiko-metodologicheskii analiz: (Podkhody) [The abandonments and neglect of children: theoretical and methodological approaches in Russian and foreign science], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 22—33.
- Ustinova, N. V. (2013) Mezhdunarodnyï opyt profilaktiki zhestokogo obrashcheniia s novorozhdënnymi det'mi [International experience in the prevention of ill-treatment of newborn children], *Rossiiskii pediatricheskii zhurnal*, no. 1, pp. 55—60.
- Velikaia, N. M., Kniaz'kova, E. A. (2021) Reproduktivnye prava zhenshchin v politicheskom diskurse sovremennoï Rossii [Women's reproductive rights in the political discourse of modern Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, special iss., pp. 25—37.
- Vellut, N., Cook, J., Tursz, A. (2012) Analysis of the relationship between neonaticide and denial of pregnancy using data from judicial files, *Child Abuse & Neglect*, vol. 36, no. 7—8, pp. 553—563.
- Zakharova, E. I. (2015) Usloviia stanovleniia negativnogo otnosheniia sovremennykh zhenshchin k materinskoï roli [Conditions of formation of the negative attitude of modern women to the maternal role], *Kul'turno-istoricheskaiia psikhologiya*, no. 1, pp. 44—49.
- Zhivodrova, N. A., Bezrukov, A. V., Abramova, E. A. (2018) Problemy kvalifikatsii ubiistva mater'iu novorozhdënnogo rebënka i vozmozhnye puti resheniia [Problems of qualification of murder by mother of the newborn child and possible solutions], *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, vol. 6, no. 1, pp. 53—59.

Статья поступила в редакцию 10.03.2022; одобрена после рецензирования 12.03.2022; принята к публикации 26.03.2022.

The article was submitted 10.03.2022; approved after reviewing 12.03.2022; accepted for publication 26.03.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Безрукова Ольга Николаевна — кандидат социологических наук, доцент, и. о. заведующей кафедры социологии молодежи и молодежной политики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, o.bezrukova@spbu.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Acting Head of the Department of Sociology of Youth and Youth Policy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Самойлова Валентина Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, v.samojlova@spbu.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).